

БАБКА УМСЫНАЙ

Вечерело. Вдали, со свистом рассекая длинной камчой воздух, гнал в аул стадо коров местный пастух Салдар. Поднимая клубы пыли, по проселочной дороге неспешно и величественно шествовали коровы. Отмахиваясь хвостом от назойливых слепней, одна за другой заворачивали в свои дворы. Здесь с начисто вымытыми ведрами их ждали хозяйки, чтобы облегчить им тугую тяжесть налитого за день на пастбище вымени. Однако не все коровы шли безропотно в сторону знакомых ворот. Были среди них особо строптивные, норовившие забраться на колхозные кукурузные поля. Вот их-то загодя подстерегать и отправляли детей. Ребятня собиралась на развилке, где одна дорога шла в аул, а другая вводила в соседний поселок вдоль кукурузных посевов. Сидя на пригорке, они играли в асыки, изредка поглядывая на дорогу, не идет ли стадо домой.

Завидев издали клубы поднимаемой копытами пыли, Зере первой схватила палку и, бросаясь навстречу своей корове, на бегу крикнула:

– Аят, Асыр, вечером на полянке за домом деда Иманбая!

Остальные, похватав свои прутики, помчались каждый за своей скотиной и погнали их напрямик к дому. Сегодня бабушка дала Зере длинную и толстую палку вместо тоненького прутика, потому что их рябая корова отличалась особым нравом, и не было дня, чтобы она добровольно, сама пришла к дому. Несмотря на то что и бабушка, и Зере безжалостно лупили ее палкой по бокам, она упрямо сворачивала в ту сторону, где на огромном поле высились в ряд узловатые стебли кукурузы. Тугие сахарные початки с пышным султаном развевающихся на ветру рылец манили ее, и только тяжелые и увесистые удары палки могли свернуть строптивцу с намеченного пути. Все бы не беда, да вот только стерег колхозную кукурузу безжалостный старик Айкын, покалечивший на своем веку не одну забредшую на эти поля скотину. Год назад он, не задумываясь, выбил из своей одностволки глаз рябой корове. Но и это не пошло ей впрок, изо дня в день она упрямо стремилась навстречу манящему сочному лакомству или, как говорила бабушка, навстречу своей гибели. Схватив палку обеими руками, Зере из всех силенок колотила корову по обоим бокам, пока с трудом не завернула ее к дому.

У ворот их уже ждала бабушка. Распахнув калитку, она побежала открывать двери сарая, куда, мотая головой и хлопая единственным глазом, вбежала корова. Зере облегченно вздохнула и, поправив выбившуюся прядь, прислонила палку к стенке сарая.

– Надоела мне эта глупая корова, совсем не слушается, – пожаловалась Зере бабушке и побежала в дом попить воды.

– Что поделаешь, – пожала плечами бабушка и со смехом добавила: – Зато после колхозной кукурузы какое она вкусное молоко дает!

Накинув фартук, бабушка взяла ведро и пошла в сарай доить корову. Зере пристроилась рядом, возле двери, наблюдая, как тугие струи молока шумно стекают по стенкам жестяного ведра. В углу на привязи маялся теленок, терпеливо дожидаясь, когда же его подпустят к материнскому вымени.

Мимо ограды, опираясь на палку, прошла бабка Умсынай, ведя на аркане свою единственную козу. Она жила в убогой землянке прямо за их домом, и Зере всегда внимательно следила за этой странной бабкой. Одинокая и чудная, она пугала ее своими повадками и отшельничеством.

– Апа, опять бабка Умсынай прошла со своей козой. Зачем она с ней так возится? Лучше бы зарезала ее, и все, никаких забот.

– Ну, зарежет она ее, а чем же тогда ей заняться? О ком она будет заботиться?

– Не знаю... Апа, я пойду поиграю.

– Иди. Только допоздна не задерживайся.

– Ладно.

На полянке за домом старика Иманбая уже собрались в кружок соседские ребяташки. Асыр, самый старший из них, как всегда, травил байки.

– А я сейчас видела бабку Умсынай, – сказала, подойдя к ним, Зере.

– А ты знаешь, что она колдунья? – спросил ее Асыр.

– Нет.

– Она ворует чужих детей, а потом заколдовывает, превращая их в камни, – почти шепотом проговорил Асыр. – Я сам видел, у нее дома стоят в ряд каменные истуканы, это дети из других аулов!

– Ох! – вздохнули все с ужасом, зажимая рты кулачками. Вокруг стремительно темнело, и пугающие подробности приобретали зловещую окраску.

– Нет, нет, – не соглашалась с ним Аят и тут же привирала: – Мне моя тетя Алмагуль рассказывала, что бабка бродит ночами в белом платье с распущенными волосами и пугает детей. Поэтому, если спите на улице, надо, чтобы рядом спал кто-то из взрослых. Тогда она вас не тронет.

– Как страшно... – шептали дети, глядя друг на друга, а затем с визгом разлетались по домам.

А Умсынай-апа как ни в чем не бывало ранним утром с хворостиной в руке гнала в саксаульники пастись свою единственную козу.

Каждый вечер, наигравшись в прятки и догонялки, мальчишки и девчонки, собирались в кружок и рассказывали страшные истории. Образ бабушки Умсынай обрастал новыми ужасными подробностями. Поэтому ночью, укладываясь спать во дворе на топчане, Зере забиралась в серединку между своими стариками и просила деда защитить ее, если придет Умсынай в белом платье. На что дедушка, посмеиваясь, обещал ей, что не отдаст свою любимую внучку никаким колдуньям и ведьмам, и особенно Умсынай, даже если она прилетит на метле.

– Да что ты ребенка небылицами на ночь пугаешь, – ругала деда бабушка, – какая же она ведьма? Бишара она, вот кто! Пожалеть ее надо, несчастную, а не детей пугать.

Ночью, когда под неверным светом луны даже сарай и загон для скота превращались в огромных пугающих великанов, Зере верила деду и, мостясь к нему сбоку, знала, что он спасет ее, и ей было почти не страшно.

А утром, когда бабушка, гремя ведром, направлялась доить корову, когда мир вокруг, освещенный яркими лучами солнца, становился таким знакомым и безопасным, никак не шли из головы ее слова: «Бишара она, вот кто. Пожалеть ее надо, несчастную, а не детей пугать...»

– Апа, а почему Умсынай – бишара? – приставала Зере к бабушке, когда после полудня она, устроившись в тени, брала в руки веретено.

– Ай, жаным, зачем тебе это надо? Иди лучше побегай, поиграй с подружками.

– Ну почему? Скажи, почему? – приставала Зере.

– Потому что у нее никого нет, одна она на белом свете.

– Апа, а почему она к нам чай пить никогда не приходит? Другие же бабушки приходят?

– Потому что я ее не зову.

– А почему не зовешь?

– Даже если позову, не придет.

– А почему не придет?

– Слушай, почемучка, не надоедай глупыми вопросами, иди играть, не мешай!

Бабка Умсынай редко выходила из своей землянки с подслеповатыми окнами.

– Что она делает там целыми днями? – гадали дети.

– Колдует, вот что! – убеждал всех и самого себя Асыр, и никому из них не приходило в голову, что бабка Умсынай очень стара, одинока, и идти ей не к кому. Разве что к единственной сестре своей Нурсулу.

Нурсулу была намного младше Умсынай и работала в колхозе чернорабочей, ходила в кирзовых сапогах, цветастом выцветшем платье, фуфайке и никогда не вынимала папиросу изо рта. Чем бы она ни занималась, ее везде сопровождала струйка табачного дыма. Нурсулу была старой девой со следами былой красоты на лице. Ее большие смеющиеся глаза, подкрашенные алой помадой губы, испещренный глубокими морщинами изящный овал лица несли на себе печать тяжелой жизни, перенесенных страданий и горя. Она была совсем еще не старой улыбчивой женщиной, однако вывести ее из себя не составляло большого труда. И тогда губы ее смыкались в тонкую линию, прищур глаз приобретал зловещее выражение, а красивые ноздри трепетали, как лист на ветру. Размахивая большими мозолистыми руками, которые так не шли к ее маленькому лицу, и обнажая редкие зубы, она крыла обидчика отборным матом так, что даже мужчины краснели при этом. Не жаловала она и старшую сестру свою Умсынай, которая изредка, опираясь на палочку, медленно брела в другой конец аула навестить младшую сестру и частенько возвращалась, униженная матом Нурсулу. Случалось, Нурсулу и руку могла поднять на старшую сестру.

Зере вспомнила, как однажды кто-то спросил у ее бабушки:

– Почему они не живут вместе? Ведь кроме друг друга у них никого нет на белом свете?

На что она ответила:

– Два больших горя не могут ужиться под одним шаныраком.

Как-то днем Зере с Аят в тени за домом, разложив на одеяле свои сокровища в виде кусочков тканей, осколков старых пиал, самодельных кукол, играли в домики. Разыгравшись, они не заметили, что бабка Умсынай стоит над ними и, опираясь на палку, с улыбкой внимательно наблюдает за их игрой.

– Ой! – пискнули они одновременно, вскочив на ноги. – 3-з-здрав-вст-твуйте!

– Здравствуйте, детки! Можно и мне с вами поиграть?

У бабки Умсынай тряслась голова, и голос был какой-то глухой и надтреснутый.

– Ладно, – со смесью страха и любопытства согласились они.

Крепко держась за свою палку, она с трудом опустила на краешек одеяла. Затем взяла в руки одну из кукол, сделанных из накрест связанных палочек, с головой из белого ситца, набитой ватой, с нарисованными глазами и ртом. Долго вертела ее в руках, разглядывала со всех сторон, пока девочки, опасливо поглядывая ей в лицо, передевали своих кукол в сшитые из кусочков ситца платица. Бабка с улыбкой смотрела на их возню, и морщины на ее лице оживали и двигались, совсем как волны на песке, движимые жарким пустынным суховеем. Затем, словно позабыв о девочках, она замерла в каком-то своем раздумье, пронзительным взором всматриваясь вдаль. Глубоко вздохнув, положила куклу на место, встала с помощью палки и молча направилась к своему домику.

– Давай выкинем эту куклу? Мне кажется, она ее заколдовала, – Аят в страхе выбросила куклу подальше на песок.

– А мне кажется, она добрая, – сказала Зере.

– Все колдуньи прикидываются добрыми, опасно им верить, – не унималась Аят.

– Давай посмотрим, что она делает?

– Давай!

Они прильнули к маленькому мутному окошку, но в темноте ничего нельзя было разглядеть.

Зере и Аят как по команде вздрогнули, когда послышался скрип двери. У порога стояла Умсынай с какой-то жалкой, вымученной улыбкой на лице.

– Ай, цыплята, чаю хотите?

Отступить было поздно, и они, пугаясь собственной смелости, вошли в дом.

В маленькой с низким потолком комнатке стоял полумрак. В углу железная кровать с продавленной вместе с матрасом сеткой и грязным серым покрывалом. Посреди комнаты на кирпичях покоился кусок фанеры, накрытый выдавшей вида старой клеенкой. Вокруг импровизированного столика – грубо сколоченные низенькие табуреты. Аят испуганно озиралась по сторонам в поиске каменных истуканов, но следов заколдованных детей так и не нашла. Девчонки стояли, широко распахнув глаза и сдерживая дыхание. В тишине было слышно, как сердце толчками выбрасывает кровь.

– Садитесь, детки, садитесь, я сейчас, – бабка Умсынай суетилась возле печи.

Поставив на огонь мятый медный чайник, она поднесла спичку к фитилю керосиновой лампы. В комнате стало светлей, но все равно было страшно.

Расстелив на столике исписанный кем-то школьный тетрадный лист, бабка насыпала сахарного песка, налила им чаю и принялась сама хлебать пустой чай, обмакивая кусок хлеба сначала в пиалу, затем в сахарный песок. Постепенно на сахаре появились разводы от чернил с тетрадного листа, но это не смущало ее.

– Пейте, пока не остыло, – придвигая пиалы поближе к девочкам, бабка пристально разглядывала их. – Ты внучка Осимис, а ты – внучка Зульпии, да?

– Да.

– Хорошие детки, я каждый день вот из этого окошечка наблюдаю, как вы играете.

Девочки вздрогнули.

– Да что это вы так меня боитесь? Я не злая, не бойтесь, и детишек очень люблю.

– А-а в-вы ночью спите? – робко начала Аят издалека.

– Конечно, сплю, а что?

– Мальчишки говорят, что вы ночами бродите по аулу, – совсем уж осмелела Зере.

– Как это брожу? – рассмеялась бабка Умсынай. – Где вы видели семидесятилетнюю старуху, разгуливающую по ночам? Мне и днем-то тяжело ходить.

– А вы не заколдовываете детей?

– Что-что?

– Ну, говорят, вы превращаете детей в каменные статуи...

– Каменные статуи? – удивилась она. – Вы, детки, видать сказок начитались.

Нет, я не брожу ночами и не превращаю детей в камень, я просто увлекаю маленьких девочек к себе домой попить чаю, – улыбнулась она, и ее беззубая улыбка подтолкнула страх, сидевший где-то в горле, еще выше.

Девочки, словно задохнувшись, вскочили одновременно и с визгом бросились к двери.

Ночью у Зере начался жар. Она металась в бреду и снилось ей, что Умсынай высунула голову из своего оконца и шепчет: «Я не злая, я – добрая и очень люблю маленьких детей...»

К утру температура спала. Было тихо, только муха билась об окно да тикали часы в комнате. Зере услышала, как за дверью перешептывались ее старики.

– Говорю тебе, сглазила ребенка старая, сколько раз говорила ей, не смотри так пристально на детей, – шептала бабушка, – глаз у нее дурной. Ведь обещала обходить мой дом стороной, пока ребенок здесь на лето.

– Да не со зла же она? – пытался оправдать кого-то дед.

– Ну и что с того, нам от этого не легче. Вон, смотри, как ребенка скрутило.

Ишь ты, надумала зазвать детей в свою берлогу...

Вспомнив вчерашний день, Зере поняла, что говорят они о бабке Умсынай.

– Да пожалей ты ее, неволю порой бывает одиночество! Все одна да одна. А как же ей иначе смотреть на детей? Ведь и у нее могли бы быть такие же внуки. Несчастная, не пожалел ее бог! Если бы оставил ей в живых хотя бы одного из десятерых, по-другому бы ее жизнь сложилась. Не смотрела бы так жадно на чужих детей.

– Думаешь, мне ее не жаль? Да только как вспомню, сколько детей она сглазила на своем веку, вот и до моей внучки дело дошло. Вчера вечером приковывляла

ко мне, плачет, прощения просит. Говорит: «Знаю, что глаз у меня дурной. Но ведь против моей воли выходит так. Разве я твоему цыпленку зла желаю? Не знаю, за что бог на меня так разгневался: оставил одну-одинешеньку, да еще и дурным глазом наградил?» Обещала обходить мой дом стороной.

– Эх, проклятый Ашаршылык! Сколько судеб покалечил...

– Апа, пить хочу, – позвала Зере.

– Ах, солнышко, проснулась? Цыпленок мой ненаглядный, дай температуру смерю, – бабушка прикоснулась губами ко лбу, затем поцеловала внучку в обе щеки и сказала: – Слава Аллаху, жар спал. Пойдем, я тебя напою и умою.

Посадив на колени к деду, подала пиалу кипяченой воды, затем принялась брызгать внучке в лицо воду из кувшина. Тихо бормоча что-то себе под нос, утерла подолом платья.

– Теперь все будет хорошо.

Бабушка сказала правду. На следующий день Зере уже сидела на топчане рядом с дедом, разложив свои игрушки. С утра прошел скупой дождик, лишь слегка намочив песок и прибив пыль. Дедушка вынул из кармана мешочек жевательного табака, отсыпал в ладонь свой насыбай и, морщась, заложил его под язык.

– Эх, хороший бы дождь. Кукуруза да клевер в рост пошли бы... – каждый год дедушка пригонял колхозный скот на зимовку из дальней Сарыарки в Мойынкумы, поэтому его заботой была заготовка кормов.

– Где же ты видел летом дожди в наших краях? И на этом спасибо, – усмехнулась бабушка, вынимая из печи формы с ароматными буханками свежеспеченного хлеба.

Первую буханку она положила на стол:

– Отломи ребенку и намажь маслом.

Затем вывалила остальной хлеб на плотную холщовую скатерть. Перед тем как завернуть, подумала, взяла еще одну буханку и протянула деду:

– На, отнеси Умсынай.

Услышав ее имя, Зере вспомнила все. Вскочив, помчалась за дом, где ее подружка выкинула куклу. Она валялась на том же месте. Зере отряхнула ее и положила рядом с другими своими игрушками. Потому что никакая она не заколдованная, эта кукла. А бабка Умсынай совсем не желала им зла. Это она тогда почувствовала своим детским сердцем.

А уже через много лет, вспоминая ее пристальный взгляд, поняла, что на исходе своей жизни Умсынай пыталась осмыслить и понять до конца беспощадную правду – чего же ее лишила судьба и как огромна ее беда. Ей хотелось, возможно, в последний раз прикоснуться к этой, теперь уже неведомой, давно забытой тайне: что значит иметь маленького ребенка, продолжение жизни на земле. Когда-то и ее руки держали, и не раз, трепещущее тельце новорожденного, но время безжалостно стерло из памяти все чувства, связанные со счастьем материнства. Она даже не смела поцеловать детей в руку, как это делали другие бабушки. словно перекасти-поле пронесся ее век, не оставив на раскаленных песках Мойынкумов даже тонюсенького следа. А жаркие пустынные ветра доделали свое дело, иссушив землю, воздух, небо и слезы бабки Умсынай.

БАБУШКИН СУНДУК

В углу комнаты стоит бабушкин сундук, полный сокровищ, о которых я мечтаю каждый день. Чтобы открыть сундук, нужно снять с него груды текеметов, подушек и корпе. Я боюсь делать это, потому что однажды, выдернув нижнее одеяло, оказалась погребена под тяжестью целого вороха одеял и войлочных текеметов.

– Что ты здесь делаешь, милая? – хитро щурясь, улыбается бабушка.

– Апа, открой сундук, – в который раз клянчу я.

– Подожди немного, прочту намаз и обязательно откроем с тобой этот сундук.

И что ты в нем нашла? Ничего-то особенного в нем нет, – бабушка вперевалку идет в дальнюю комнату, расстилает молельный коврик и садится на него, подогнув колени.

Дождавшись, когда она замрет в молитвенном единении с Богом, я на цыпочках пробираюсь в комнату и сажусь в той же позе аккуратно позади нее. Сложив ладони перед собой, бабушка жарко шепчет своему Богу заученные раз и навсегда слова молитвы на арабском языке. Я старательно шевелю губами, повторяя каждое ее движение. Бабушка оглядывается и делает мне «страшные» глаза, затем укоризненно качает головой. Но я-то знаю, что ничего она мне не сможет сделать, пока не завершится намаз. Покончив с арабским текстом молитвы, она переходит на казахский язык, и в еле слышном шепоте я различаю отдельные слова, в которых просит она у Бога здоровья и благополучия моим родителям, своим внукам, мирного и чистого неба всем людям, сытости и хлеба народу. Я не понимаю, зачем это нужно, когда все и так хорошо. Поэтому я шепчу бабушкиному Богу другие слова:

– Сделай так, чтобы бабушка открыла свой сундук и дала мне тот красивый платок с кистями, и отрезала кусок от блестящей ткани, которая лежит на самом дне сундука. Ну, пожалуйста, ты же все можешь! Я знаю, что ты всесильный, потому что так всегда говорит моя бабушка.

Затем моя апа кланяется и отбивает несколько поклонов до самой земли, касаясь лбом молельного коврика. Позади нее я с шумом стукаюсь лбом об деревянные половицы. Бабушка оборачивается и картинно хмурит лоб, давая мне понять: «Вот закончу намаз, получишь у меня!»

Затем она складывает обе ладони перед собой, шепчет финальные слова молитвы и, проведя руками по лицу, громко произносит:

– Аллах Акбар!

Для меня это сигнал к бегству. Пока бабушка встанет, с трудом разогнув колени, затем сложит свой молельный коврик, я успеваю убежать на улицу, чтобы спрятаться от ее гнева за сараем. Но на дороге кто-то оставил большую корягу саксаула, и я, споткнувшись, падаю на пыльную землю.

Услышав мой крик, бабушка выбегает во двор. Я лежу на земле с разодранными в кровь коленями и с ревом размазываю на лице слезы с грязью.

– Ай, жаным, ну что же это такое! Посмотри на свои коленки, болячки зажить не успевают!

Бабушка поднимает меня на руки и несет на топчан. Промыв раны и вытерев слезы, прижимает к себе и качает на руках, приговаривая:

– Ну что я скажу твоим родителям, когда они придут из города, а? На ногах живого места не осталось!

Я прижимаюсь к ее теплой груди и тихо-тихо всхлипываю, глядя на багровое предзакатное солнце.

Еще долго мы сидим вот так, обнявшись, раскачиваясь из стороны в сторону. И каждый из нас думает о чем-то своем.

– Завтра будет ясный день, видишь, какое красное солнце на закате? Ну, пойдем сундук открывать? – бабушка улыбается и вздыхает.

Густая сетка морщин на ее лице оживает, и кажется мне, что улыбается и вздыхает каждая морщинка, каждая складка. Улыбается бабушкин лоб, улыбаются щеки, переносица, нос, виски...

Забыв о ранах, я вскакиваю с бабушкиных колен и бегу в дом, в дальнюю комнату, где стоит вожделенный сундук.

Следом подходит бабушка, вынимает из кармана плюшевого жилета ключ с привязанной полоской прошитого ситца и вставляет его в замочную скважину.

Мы быстро сбрасываем на пол в кучу одеяла и откидываем крышку сундука. В нос ударяет резкий запах нафталина, но я обожаю его, потому что он связан с тайной и с сокровищами, слой за слоем сложенными до самого верха сундука.

– Апа, апа, дай мне тот платок с красивыми кистями.
– Ай, жаным, зачем он тебе сейчас? Вот выйдешь замуж, так если жива буду, в приданое тебе его сама положу, а если нет, матери твоей велю это сделать. Оденешь на голову, красивая будешь! И муж твой будущий еще сильнее тебя любить станет. Скажет, ой, какой красивый платок на тебе! А ты скажешь: это мне моя бабушка завещала!

– Не хочу замуж, хочу с тобой жить!
В горячем порыве любви прижимаюсь к ее сухонькой груди и замираю с мыслью о том, что вот скоро закончатся каникулы и уеду я домой, в город. А там школа, второй класс, подружки, мама, папа, братья, сестра и только бабушки там не будет рядом со мной.

– Ай, не говори так, жаным! Замужем – это хорошо! Будут у тебя красивые детки, вот такие же, как ты сама, а я с того света буду на вас смотреть и радоваться!

– Апа, ты не умрешь!
Отчего-то слезы катятся из моих глаз. Бабушка узловатыми руками вынимает из кармана жилетки носовой платок и вытирает мне лицо, затем долго еще гладит меня по голове и кивает каким-то своим мыслям.

– Ну, давай смотреть дальше.
Я придвигаюсь поближе к сундуку и во все глаза смотрю на аккуратно сложенные отрезки парчи, ситца, шелка, кружевные платки, мужские костюмы, завернутый в кусок сатина малахай, новенькие калоши, мягкие ичиги...

– Бабушка, а зачем тебе калоши и ичиги, у тебя же уже есть?
– Эти новенькие я надену на твою свадьбу, если жива буду. А вот этот мужской костюм, смотри, какой красивый! Мы в него нарядим нашего зятя. Тогда он станет еще красивей и будет тебе ровней.

– Фу! Не хочу! Дай мне лучше тот красивый платок с кистями. Мне для куклы нужно. Вон у Аят кукла какая, ей мама красивый платок дала, я тоже такой хочу!

– Айналайын!¹ И тебя айналайын, и твоего джигита, – улыбается бабушка. – Ну хорошо, возьми этот платок, если уж он тебе так нужен.

Я с головой ныряю в сундук и с самого дна достаю предмет своих мечтаний – ярко-красный, цветастый платок с тяжелыми шелковыми кистями и бахромой.

...С той поры прошло много лет. Нет уже на свете моей бабушки, нет и красивого платка с тяжелыми шелковыми кистями. Только одна мысль не дает мне покоя. Если бы я тогда не вынула из сундука бабушкин красивый платок, может быть, накинула бы его на плечи своей дочери в день ее свадьбы вместо фаты. И это было бы прекрасно, потому что бабушка обещала мне внимательно следить с того света и радоваться счастью, моему и моих детей.

Но я знаю точно, когда моя дочь под руку со своим избранником будет спускаться по широким, крытым коврами ступеням Дворца бракосочетания, бабушка шепнет ей на ушко:

– Айналайын, и тебя айналайын, жаным, и твоего джигита!

Я смотрю в окно на предзакатное, красное, как бабушкин платок, солнце и думаю: завтра будет ясный солнечный день!

ВЕЧЕРНЕЕ ЧАЕПИТИЕ, ИЛИ СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Над аулом опускается тихий летний вечер. Нестерпимый зной перешел в легкую вечернюю прохладу. Из дома мы перебираемся на улицу. Дедушка достает воду из колодца. Скрипит ворот, лязгает цепь, и ведро погружается в ледяную зыбь, наполняясь колодезной водой. И снова скрипит ворот, лязгает цепь, капли со дна с громким плеском падают обратно в колодец. Дедушка ловким движением переливает воду в стоящие рядом ведра, а мы с бабушкой поливаем двор, чтобы осела пыль и появилась долгожданная прохлада.

Затем я падаю на топчан, раскинув руки, и смотрю на белое, без единого облачка небо. Солнце ушло за горизонт, а луна еще не показалась. Но пока светло, и кажется, что это светит само небо, набравшись за день раскаленного жара пустыни.

Кипит самовар, бабушка заваривает чай. На топчане стоит круглый низенький стол, накрытый потертой клеенчатой скатертью. На нем сахар, ломти хлеба, круглый кусок домашнего сливочного масла, утренние лепешки, баурсаки и чашка с чудом сохранившимся вишневым вареньем, которое мама передала из города еще в прошлом году.

Дед, примостившись на подушках, узловатыми руками теревит мне волосы:

– Ну что, балапан, попьем чайку? Как ты? Еще не соскучилась по родителям, а?

Вокруг двора, поперек приземистых столбов, врытых в землю, закреплены в два ряда кривые жерди, вот и весь забор. А за ним идет широкая наезженная полоса на песке – это наша проселочная дорога. Она связывает нас с окружающим

¹ У древних тюрков существовал удивительный обряд кружения. У казахов он выражается словом «айналайын» – обойду, окружу тебя. Они избегают полного круга при осмотре чего бы то ни было. Обойти человека – значит, принять на себя все его болезни, все чары, которые тяготеют над ним. Поэтому самое нежное слово у казахов и самое верное выражение любви заключается в слове «айналайын».

миром. Отсюда вся жизнь аула – как на ладони. Благодаря нашей дороге мы с бабушкой можем, не выходя из дома, знать все новости, все последние события, произошедшие в ауле. Днем по ней с грохотом несутся грузовики, трактора, следом трусят старики на ишаках, иной раз кто-то из колхозного правления проскочит на коне, поднимая клубы пыли. Туда-сюда снуют мальчишки на арбах, запряженных ослами, везут хворост и срубленные стволы саксаула. К вечеру появляются аульные старухи.

Бабушкина соседка Балдырган везет на спине маленького внука.

– Эй, кемпір, куда идешь? – кричит ей издали моя бабушка.

– Да вот к Талмагуль по одному делу спешу.

– Потом поспешишь, садись с нами чай пить.

Бабка Балдырган без слов опускает внука на край топчана и с кряхтением устраивается за столом, придвигая пиалу с чаем к себе поближе.

– Что в ауле нового? Что слышала? – спрашивает ее бабушка.

– Да что я могу такого знать, чего не знаешь ты?

Балдырган громко прихлебывает горячий чай.

– Бисмилла, – говорит она, отламывает кусок от лепешки и протягивает его внуку.

Вот идет по дороге бабушка Осимис. Много лет назад вот так же на ее спине катались теперь уже взрослые внучки Зият и Аят. Нынче ей уже некого возить на себе, поэтому идет она, заложив руки за спину.

– Ай, Осимис, иди сюда!

– Ойбай-ау, старухи, как дела? Смотрю, тут городская девочка приехала? – Осимис разглядывает меня с улыбкой. – А ты знаешь, дочка, я тоже когда-то жила в городе, сами мы тоже из городских будем.

Сколько раз она мне рассказывала об этом, но я молчу и улыбаюсь. Она уже многого не помнит. Даже свое настоящее имя позабыла. Настоящее имя бабушки Осимис не помнит никто. А Осимис она потому, что слово это означает: «сами мы», а дальше бабушка, каждый раз налегая на букву «с», не преминет напомнить нам, что «сами мы из городских тоже будем». У бабушки Осимис трудная судьба. Рано потеряла мужа, а затем и сына со снохой. Теперь растит двух внуков. Младшая Аят старше меня лет на пять-семь, она моя подружка, а старшая Зият угрюмая и нелюдимая горбунья. Вот за нее-то и переживает бабушка: как-то сложится ее судьба?

Бабушка Осимис снимает калоши, в ичигах забирается на топчан и со вздохом прилаживается к нашему низенькому столу.

– Ну, рассказывай, дочка, как вы там в городе живете? Хорошо вам, наверное, я ведь тоже там жила когда-то.

– Да нормально, – кисло отвечаю ей я, – в ауле лучше.

– Да что ты? Неужели? Ну и хорошо. Поживешь со своей бабушкой, помощницей ей будешь, видишь, стареет она. Да и мы не молодеем, – шамкая, вздыхает бабушка Осимис. Из-под платка торчат две жиденькие седые косички. На подбородке из большой родинки растет пучок длинных седых волос. А в улыбке обнажаются голые десны и два длинных, кривых, потерявших форму зуба.

Я думаю о том, что бабушка Осимис похожа на Жалмауыз кемпир из казахских народных сказок, только она очень добрая и веселая. Она никогда не станет есть маленьких детей, как Жалмауыз кемпир. И я ловлю себя на мысли, что за

долгий учебный год успела соскучиться не только по своим старикам, но и по бабушке Осимис.

На ней белое в мелкий цветочек ситцевое просторное платье, сверху потертый плюшевый зеленый жилет с маленькими прорезными карманами, откуда она достает своими узловатыми натруженными руками мятый носовой платок и беспрестанно вытирает слезящиеся глаза. Все лето она работает на колхозных полях, а зимой на скотном дворе. И самое светлое воспоминание – это детство и юность, проведенные в городе, о чем знает каждый ее односельчанин.

Не успела она сделать глоток чая, как послышался шум и на дороге показался дед Кулдыбай на своем мотоцикле.

– Эй, Кулдыбай, чтоб твой род не прервался! Куда, старый хрыч, несешься на своей ракете? – кричит с топчана мой дедушка.

Кулдыбай с грохотом подъезжает к кривой изгороди и заглушает мотор.

– Ассалаумалейкум!

– Аликумассалам! – мой дедушка вскакивает с топчана, и два старика устремляются друг к другу с протянутыми в приветствии руками.

– Пойдем с нами чай пить, – приглашает его бабушка.

– Конечно, конечно, как я таким девушкам могу отказать, – крутит длинный ус Кулдыбай.

– Да чтоб ты провалился, нашел тоже девушек! – незлобиво ругается моя бабушка.

– Ты лучше, старый болтун, скажи нам, почему телефон хрипит почище твоего железного ишака? – спрашивает мой дед.

– Скоро, очень скоро поменяем на ваших столбах провода. Вот пришлют материалы из района, так прямо с вас и начну.

Дед Кулдыбай работает телефонистом и электриком в нашем ауле. Вот и сейчас с его мотоцикла свисают «кошки», которые он приделывает к своим хромовым сапогам, чтобы лазить по электрическим столбам, чинить предохранители и соединять оборвавшиеся от ветра провода. А ветры у нас дуют и вправду очень сильные. Случается, сносит крыши. Вихрь со злобным свистом проносится по аулу, поднимая густую песчаную пыль.

У дедушки Кулдыбая дочерна загорелое худое лицо с удлиненным горбатым носом, под которым топорщатся длинные, вислые, как у Тараса Бульбы, усы. Смеющиеся глаза готовы подхватить любую шутку и понести ее дальше. Глядя на его доброе и веселое лицо, я тут же вспоминаю про его милую и тихую жену Айнагуль, родившую ему девятерых детей. Старшие дети Кулдыбая давно уже позаканчивали институты и техникумы, обзавелись семьями и детьми, а младшие все еще учатся в школе.

На дедушке Кулдыбае хромовые сапоги, брюки галифе, какой-то военный френч без опознавательных знаков, перепоясанный широким ремнем. В центре квадратной бляхи пятиконечная звезда. Такие бляхи в послевоенные годы носили они с моим дедушкой, когда служили в советской милиции. А еще дедушка Кулдыбай прошел почти всю Великую Отечественную войну. Только до Берлина не суждено было ему дойти, потому что попал в концлагерь и пережил все ужасы немецкого плена.

У Кулдыбая забавные усы, которые он холит и лелеет, постоянно приглаживая их руками. Потому за ним намертво закрепилась кличка Усатый, и в ауле никто не зовет его по имени.

Кулдыбай очень веселый человек, поэтому над ним часто подшучивают и старики, и дети.

Вот и сейчас, из-за соседнего плетня выглядывают мальчишки и громко дразнятся:

Кулдыбай мұртты,
Телефонды құртты! –

и шумной стайкой отбегают на безопасное расстояние.

– Вот я вам устрою, бездельники! Ну-ка, быстро по домам! Поймаю, уши надеру, – кричит в ответ Кулдыбай, и усы его смешно подпрыгивают на лице.

– Как поживаете? Здоровы ли дети, что нового, кроме того, что приехала эта беленькая городская девочка? – спрашивает Кулдыбай, устраиваясь на топчане в своих запыленных хромовых сапогах.

– Слава Аллаху, все хорошо, – отвечает мой дед, закручивая в руках пиалу. Это означает, что начало шутиливой перебранке, положено. – Сам-то как? Работашь? Небось, целыми днями висишь на своих столбах, проводах, как черный ворон закоптился. И зачем тебе «кошки»? Цепляйся за провода усами, вон какие они у тебя знатные.

– Дались тебе мои усы, старый дурень. Ты на своих перегонах скота сгорел почище меня. Пока до Сарыарки доберешься, не то что кожа, внутренности сгорят. Смотрю, Бетпадала все твои волосы съела. На такой гладкой лысине теперь лепешки можно печь. Правду говорю, бабки? – обращается он к трем бабушкам, скромно потеснившимся к одному краю стола, чтобы мужчинам вольготней сиделось за чаем.

– Да уж не красавцы, скажу вам, – подбоченившись, подхватывает бабушка Осимис, – у нас в городе, где я родилась, мужчины побелей и покрасивше будут.

– Ну, бабка, скажешь тоже, – парирует мой дед, – что же ты тогда выбрала себе не городского беленького, а нашего аульного парня? Жила бы в городе, может, белой и состарилась бы.

– Да вот молодая была да глупая. Чубом своим да фуражкой набекрень купил меня. Был бы жив, – вздыхает Осимис, – увезла бы в город, отмыла от вашей колхозной копоти и жила бы себе в удовольствие. И дочки мои были бы вот такими же красивенькими, – бабушка Осимис гладит меня по голове своей шершавой ладонью, – а так приходится тут с вами, старыми дурнями, чай попивать.

Балдырган с моей бабушкой хохочут, переглядываются.

Кулдыбай улыбается в усы и посматривает по сторонам. Тут он замечает маленького мальчика, внука Балдырган.

– А это чей батыр будет? Как тебя зовут?

– Улан.

– А отца твоего как звать?

– Калибек.

Мальчишка испуганно таращится на усы шумного старика.

– А маму твою как зовут?

– Кумис.

– Ай, молодец! Так чей ты сын? Мамы с папой или бабушкин?

– Бабушкин, – бурчит мальчишка, чувствуя подвох.

– Какой бабушки? Здесь я вижу троих, – не унимается Кулдыбай.

– Бабушки Балдырган, – недовольно бубнит Улан, удивляясь, до чего же непонятливый этот дед.

– Ну, батыр, ну, молодец! Угодил! – громко нахваливает пацана Кулдыбай.

– Айналайын, умница, бабушкин, говорит, сын буду, – с одобрением зашумели все за столом, отчего, осмелев, мальчишка придвигается поближе к столу и пальцем тычет на чашку с вареньем.

– На, – протягивает пиалу моя бабушка, – положи ему варенья, такому хорошему мальчику ничего не жалко. Даже варенья. Раз ты бабушкин сын, вот что я тебе дам, – она вынимает из кармана своей жилетки карамельку и подает ее Улану.

Мальчик смущается и прячется за свою бабушку. Балдырган сует конфету за спину, в руки внука. Слышно шуршание фантика, и через мгновение конфетка оказывается во рту мальчугана.

Чаепитие в разгаре. Старики заговорили о заготовке скота, о стрижке овец, о том, как мой дедушка в конце лета поедет перегонять из Сарыарки скот на осенние пастбища в Бетпақдалу, а затем на зиму сюда, в Мойынкумы на стойловое содержание. Обсуждали районное начальство...

У бабушек своя беседа. Чья корова и сколько молока дает, кто недавно зарезал овцу, кто выдает дочь замуж, кто женит сына, о том, как тяжело живет старушке Шуйтай, чей единственный приемный сын пьет не просыхая, а сноха такая, что не приведи господи никому такую келин.

– Вот и она, легка на помине, – вытягивая шею, произносит Балдырган.

По проселочной дороге, тяжело переваливаясь с одной кривой ноги на другую, медленно бредет грузная бабка Шуйтай, держа за руку единственного внука.

– Зульпия, позови ее на чай, – говорит дедушка.

Бабушка хмурится, не хочет.

– Сейчас начнет тут через слово «лиубой, лиубой». Говорят же, что плохой казах не станет хорошим русским. Будто слов не хватает. Знает-то по-русски всего одно слово «лиубой», так не преминет его вставить, где надо и где не надо.

– Да неудобно теперь, – дед смущенно проводит пятерней по лысине и окликает бабку Шуйтай: – Эй, красавица, пожалуй на чай.

Бабка Шуйтай смущается, краснеет, но подходит к топчану, каким-то нестарушечьим мягким говором благодарит деда и скромно присаживается на край топчана.

– Что краснеешь, как девица на выданье? Или на старика моего глаз положила? – язвит бабушка, подавая ей пиалу с чаем.

– А что, я мужик еще хоть куда, – приосанивается мой дед.

– Иди к черту, старая, – Шуйтай улыбается своими тонкими, запавшими губами, оголив беззубые десны. – Что, думаешь, краше твоего старика нет никого в ауле? Да если хочешь знать, стоит мне позвать, так «лиубой» из них за мной пойдет.

Потом, увидев нас с Уланом, машет на деда в досаде рукой:

– Ай, бесстыдник, тут же дети сидят, а ты при них такие разговоры ведешь.

Бабушку мою от слова «лиубой» передергивает, как от удара током.

– Ты, Шуйтай, прекращай тут по-русски говорить. Видишь, моя старуха ревнует. Боится, что я к передовой бабке уйду, чтобы с тобой по-русски болтать, – шутит мой дед, на что бабушка моя в сердцах машет рукой:

– Иди хоть сейчас, давай! Молодой-то не особенно был нужен, а теперь, старого да лысого, и вовсе держать не буду.

Словно почуяв неладное, Шуйтай быстро выпивает чай, ставит пустую пиалу на стол и с трудом сползает с топчана прямо на свои калоши.

– Пойду я.

– Да садись же, пошутили ведь, – бабушке неловко за свою нетерпимость, – ты что, обиделась на меня? Не бери близко к сердцу, это я так, шутя. Посиди с нами, поговорим. Видишь, внучка моя из города приехала.

– Ай, айналайын, когда приехала? Как там твои папа с мамой? Что-то ты бледненькая, не болеешь? Ну, ничего, здесь у бабушки загорись, на молоке да на сметане быстро поправишься, – бабка Шуйтай гладит меня пухлой ладонью по голове, берет руку и целует ее своим ввалившимся беззубым ртом, – будь счастлива, жаным.

– Посиди еще с нами, – теперь просит ее дед.

– Да нет, пойду я. Надо мне к старику Иманбау зайти по делу.

– Что у тебя за дело? – любопытствует Осимис.

– Да хочу попросить, чтобы сын его Асыр помог нам новый плетень поставить. Старый-то весь развалился.

– А где же твой сын? – спрашивает бабка Балдырган.

– Всю неделю пьет, не просыхая, – тяжело вздыхает Шуйтай, – не знаю, как быть. Руки опускаются. Правда, спасибо, пойду я.

Шуйтай берет своего внука за руку и идет к калитке, на ходу вытирая набравшие слезы.

– О, Аллах, за что же ей такое наказание? – вздыхает вслед Балдырган. – Единственный сын замучил, да и тот неродной.

Понемногу начало темнеть. На небе показались первые звезды и косой серп луны.

– Пора домой, – изрек Кулдыбай и стал собираться в путь. Отогнав столпившихся возле мотоцикла мальчишек, сообщил: – Надо заправить машину, спозаранку с бухгалтером в район выезжаем. В ауле нужно все провода обновить, пока зима не пришла и какого-нибудь замыкания не случилось.

– Не приведи Аллах! – испугались старушки и тоже засобирались домой...

Через полчаса я нырнула под марлевый полог в постель, которую расстелила на топчане бабушка. Рядом стрекотали кузнечики, где-то квакали лягушки, лаяли собаки. Высоко над головой мерцали звезды, а я лежала и думала: «Интересно, а звезды похожи на людей? Если похожи, то должны быть звезды добрые, как мои бабушка и дедушка, бабки Шуйтай, Осимис и еще многие другие в нашем ауле. Наверно, есть и злые звезды. Такие, как невестка бабки Шуйтай. И все-таки добрых звезд, как и людей, на свете должно быть гораздо больше». Мне не терпелось спросить об этом бабушку, прижаться к ней и под мерное ее дыхание уснуть под этим сказочным небом...

Но бабушка, закончив хлопоты, присела на крылечко, открыла пачку «Беломорканала» и закурила свою первую и всегда единственную за день папиросу. Бабушка курила, а дымок тонкой неверной струйкой утекал куда-то в темное небо. Наверно туда, к далеким мерцающим звездам, в сказочные миры, где по небу носится на своей метле Жалмауыз кемпир. Только теперь ее никто не боится. Потому что она похожа на нашу бабушку Осимис, пережившую своих детей и

оставшуюся такой же доброй и отзывчивой, как в молодости, когда она жила в городе и была красивой молодой девушкой. А вот несется в небе злой колдун с горбатым носом и длинными усами. Только он уже не злой. Потому что это вовсе не колдун, а дедушка Кулдыбай висит на своем электрическом столбе и с него, протягивая руки к небу, зажигает одну звезду за другой.

А вот показалась славная толстая старушка с палочкой в руке. Кто это? Да это же добрая фея Шуйтай! Раньше бабушка рассказывала мне только казахские сказки. Теперь я уже второй год учусь в городе в русской школе и знаю много других сказок, неказахских. И в этих сказках есть такие вот добрые феи, волшебницы. Бабушка Шуйтай летит по небу в немецком чепце, и полы ее длинного серебристого плаща развеваются между звезд на небе. Она улыбается мне, обнажая ровный ряд жемчужных зубов, и говорит: «Здравствуй, принцесса! Как поживаешь?» – «Хорошо, бабушка». – «Я теперь не бабушка, я волшебница и могу исполнить любое твоё желание. Хочешь, полетим вместе?» – «Хочу!» И вот мы летим с доброй волшебницей Шуйтай по небу, а наш аул – как на ладони. Вот мои бабушка и дедушка стоят рядом, молодые, красивые, улыбаются друг другу. А вот бабка Осимис и ее старшая внучка Зият в шелковых алых платьях, стройные, веселые, горба у Зият как не бывало. Мы летим над домом волшебницы Шуйтай, а там ее сын Алтынбек, засучив рукава, ставит новый плетень, а ее келин смотрит на нас, улыбается и машет рукой в знак приветствия.

Мы летим над нашим аулом. Мы летим над нашей степью. Мы летим над моей Родиной!

Мне снится сон. Из далекого-далекого детства.

Райхан Алдабергенова окончила факультет журналистики КазГУ в 1982 году, писать начала только в последние годы. Публиковалась в журнале «Нива», альманахе «Литературная Алма-Ата», журнале AD INFINITUM (Украина). Автор песен на казахском языке для серии мультфильмов, выпущенных детским телеканалом Anima book и студией Azia Animation (братья Артур и Игорь Краус), сказки «Конец Айдахара» по мотивам древнетюркской мифологии (электронное издательство Ридеро, 2018). Автор переводов на русский язык эпосов «Кыз Жибек», «Алпамыс» и «Ер Таргын», сказки «Ер Тостик», поэмы Исы Байзакова «Куралай сулу», сказки «Новое платье для Луны», поэмы «Тайны звездного кружева» и др.

